

валась бюджетными средствами только на эксплуатацию, реконструкции техническую модернизацию действующих учреждений. Однако все они были построены в СССР. При этом не было построено ни одного полностью нового учреждения, которое бы соответствовало современным общемировым подходам к организации порядка исполнения наказания, требованиям международных стандартов, европейским условиям содержания под стражей и отбывания наказания. Например, на протяжении нескольких лет, несмотря на включение в государственную инвестиционную программу, ведется строительство комплекса зданий и сооружений учреждения «Следственный изолятор № 1» управления ДИН по Минску и Минской области с республиканской общесоматической больницей, однако реальную дату ввода в эксплуатацию данного комплекса назвать нельзя.

Полагаем уместным отметить, что принятая в 2016 г. Концепция развития организаций уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Концепция) не содержит конкретного перечня объектов уголовно-исполнительной системы, которые будут введены в эксплуатацию до 2020 г. Более того, в соответствии с п. 10 Концепции финансовое обеспечение мероприятий планируется осуществлять за счет средств, выделяемых на содержание уголовно-исполнительной системы, а также собственных средств организаций УИС. Фактически для реализации Концепции дополнительных ресурсов выделяться не будет, что ставит под сомнение возможность приведения условий отбывания наказания в соответствии с международными стандартами.

Таким образом, вполне обоснованно можно утверждать, что без пересмотра подходов к финансовому обеспечению реализации уголовно-исполнительной политики Республики Беларусь ожидать повышения эффективности работы уголовно-исполнительной системы не стоит.

В рамках состоявшегося в октябре 2016 г. заседания общественного совета при МВД были проанализированы условия содержания лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также перспективные направления развития пенитенциарной системы Беларуси. Было отмечено, что приоритетной задачей Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь является планомерное наращивание производственного потенциала, обновление ассортимента выпускаемой продукции, создание новых рабочих мест, что снижает нагрузку на республиканский бюджет. Не стоит сомневаться, что возмещение затрат, связанных с функционированием системы исполнения наказаний, значимое для органов государственной власти и управления направление деятельности. Вместе с тем, возвращаясь к содержанию норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, первостепенной задачей должно выступать исправление осужденных и совершенствование его организационно-правовых основ. Значимость подобного подхода подчеркивалась еще в ст. 6 Исправительно-трудового кодекса (ИТК) БССР 1927 г., в которой отмечалось, что «каждое исправительно-трудовое учреждение, преследуя прежде всего исправительные цели, в то же время стремится возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки». Именно поэтому, как представляется, без первоначальной ориентации деятельности уголовно-исполнительной системы на процессы социальной интеграции осужденных, их возвращения в общество с навыками правоупотребительного поведения достичь положительных результатов в деле борьбы с преступностью заведомо невозможно.

Учитывая основную цель уголовного наказания в виде исправления осужденного, полагаем возможным поддержать точку зрения профессора В.М. Хомича, который отмечает, что современная уголовно-исполнительная политика нуждается в трансформации идеологии наказания с точки зрения переориентации подходов к организации исполнения уголовных наказаний с позиции усиления ресоциализационных начал организации исправительного процесса, обеспечения его качественного психолого-педагогического сопровождения.

Подобная позиция в целом соответствует преобладающему в зарубежной пенитенциарной науке подходу, согласно которому исполнение наказания, а в виде лишения свободы особенно, должно быть ориентировано не на исправление средствами режима изоляции и максимальным ограничением правового положения осужденного, а на ресоциализацию и (или) дополнительную социализацию лиц, отбывающих наказания. При этом следует исходить из тех основополагающих моментов, что вопросы преступности и наказуемости деяний всегда находятся в центре общегосударственной правовой политики. И на государственном уровне в этом вопросе мелочей быть не может.

УДК 343.2

Р.Н. Ключко

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА

Законодательная трактовка бездействия должностного лица с использованием большого числа оценочных признаков может порождать существенные проблемы в правоприменении. Правильное толкование оценочных признаков состава преступления, а также совершенствование его конструкции позволит обеспечить верную правовую оценку пассивного поведения должностного лица.

С объективной стороны бездействие должностного лица характеризуется неисполнением должностным лицом вопреки интересам службы действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженным с попустительством преступлению либо повлекшим невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Законодательная конструкция объективной стороны бездействия должностного лица позволяет считать состав формально-материальным. При этом законодатель закрепляет как конкретно определенные признаки объективной стороны анализируемого состава преступления, так и оценочные. К конкретно определенным относятся негативный признак «неисполнение действий, которые должностное лицо должно было совершить», а также такие позитивные признаки, характеризующие условия для привлечения субъекта к уголовной ответственности, как «попустительство преступлению» и «причинение ущерба в крупном размере». Признаки «вопреки интересам службы», «существенный вред», «иная личная заинтересованность» являются оценочными.

Для наличия в содеянном признаках объективной стороны состава бездействия должностного лица необходимо установить, что невыполненные им действия входили в круг его служебных обязанностей, с которыми он был ознакомлен в установленном порядке.

Однако одного лишь факта невыполнения возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности недостаточно для наличия признаков преступного деяния. У должностного лица должна иметься реальная возможность исполнить такую обязанность, при этом он должен быть осведомлен о наличии у него соответствующей обязанности. Более того, неисполнение действий, которые должностное лицо должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, противоречило интересам службы.

При решении вопроса о наличии либо отсутствии объективной необходимости совершения тех или иных действий по службе в каждом конкретном случае предполагается установление наличия либо отсутствия в содеянном признаков обособленного риска, исключающего преступность деяния, учитывая, что любой вид хозяйственной деятельности может быть сопряжен с определенной долей риска. Не может быть признано преступным бездействие должностного лица, если оно имело место во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданного в установленном порядке.

К оценочным признакам объективной стороны состава преступления следует также отнести и «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а также «тяжкие последствия», закрепленные в качестве квалифицирующего признака бездействия должностного лица в ч. 3 ст. 425 УК. Причинение существенного вреда является обязательным элементом объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями. Признание причиненного вреда несущественным дает основание квалифицировать деяния должностного лица как дисциплинарный проступок. В уголовно-правовой доктрине есть мнение, что существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства является не следствием, а содержанием противоречащего интересам службы властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного решения. Учитывая, что дополнительным непосредственным объектом бездействия должностного лица являются отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц, нельзя трактовать как причинение существенного вреда государственным или общественным интересам сам факт неисполнения вопреки интересам службы служебных обязанностей, умаляющий авторитет органа власти, управления либо организации. Таким образом, нельзя отождествлять признаки деяния с признаками общественно опасных последствий, обусловленных совершением самого деяния. Деяние не может ни во временных рамках, ни по иным параметрам совпадать с последствием этого деяния.

Законодатель нередко связывает уголовную ответственность за бездействие с наступлением общественно опасных последствий, используя законодательную конструкцию «повлекшее причинение...». Указанное дает основание утверждать необходимость установления не только предусмотренных уголовным законом последствий, но и для их вменения осознания наличия либо предвидения развития причинной связи между ними и проявленным бездействием. В ином случае можно вести речь лишь о чисто объективном вменении лицу предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие должностного лица является наличие особых условий его уголовной противоправности: наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий за исключением бездействия, сопряженного с попустительством преступлению. В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к установленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности. Совершение должностным лицом заведомо незаконного бездействия при наличии возможности исполнить возложенную на него служебную обязанность даже при сознательном допущении предусмотренных уголовным законом последствий либо безразличном к ним отношении следует признавать как учиненное с прямым умыслом.

Корыстная или иная личная заинтересованность является обязательным признаком субъективной стороны основного состава преступления. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» от 16 декабря 2004 г. № 12 указывается, что иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п. Указанный признак является оценочным, но все же требует более ясной трактовки. Личный интерес как признак субъективной стороны бездействия должностного лица следует рассматривать как пользу, выгоду только для должностного лица, не совпадающую с публичными интересами службы.

Для правильной юридической оценки пассивности должностного лица требуется не только четкое изложение в уголовном законе и однозначная трактовка признаков преступного бездействия должностного лица, но и четкая регламентация порядка служебной деятельности должностных лиц. Учитывая особую бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 425 УК, можно утверждать, что уголовно-правовая оценка бездействия должностного лица во многом зависит от четкости закрепления правового статуса соответствующего должностного лица. В свою очередь, четкая, точная регламентация должностных обязанностей позволит правильно решать многие вопросы, связанные с установлением наличия либо отсутствия признаков анализируемого состава преступления в содеянном должностным лицом.

УДК 343.711.64

А.В. Ковальчук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОНА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ МАЛОМЕРНОГО СУДНА

Применение ст. 214 Уголовного кодекса Республики Беларусь, регламентирующей ответственность за угон транспортного средства или маломерного судна, на практике вызывает серьезные затруднения. Это связано с неудачной законодательной конструкцией ч. 1 ст. 214 УК и в этой связи – со сложностью в уяснении правоприменителем признаков данного преступления.

Обозначенная причина тесно связана с часто возникающим вопросом ограничения угон транспортного средства или маломерного судна от кражи транспортного средства. Разрешение этого вопроса вызвано необходимостью дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших эти преступления, поскольку размеры санкций, предусмотренных анализируемыми статьями, имеют весьма существенные отличия. Так, за совершение деяния, описанного в ч. 1 ст. 214 УК, законодателем установлен максимальный размер наказания в виде лишения свободы сроком до пяти лет, тогда, как за совершение преступления, предусмотрен-